

УДК 316.4+159.9

**ТРАВМАТИЗАЦИЯ ПРОШЛОГО:
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ**

Аникин Д.А.

В статье рассматриваются основные направления анализа коллективных травм – психологическое и социологическое. На основании изучения современной отечественной литературы, касающейся проблематики коллективных травм, автор приходит к выводу о поисках методологического синтеза. Отдельным вопросом становится поиск методологии, ориентированной на изучение событий отдаленного прошлого и механизмов их травматизации в современной исторической памяти. Происходит смещение акцента с самого события на репрезентацию в медиа-пространстве, а сама травма становится инструментом политического и экономического воздействия.

Ключевые слова: травма, историческая память, травматизация, практика, методология исследования.

**TRAUMATISATION OF THE PAST:
METHODOLOGY OF RESEARCH AND MAIN APPROACHES**

Anikin D.A.

The article considers the main directions of the analysis of collective trauma, psychological and sociological. On the basis of studying modern domestic literature on the issue of collective trauma the author comes to a conclusion about the search of methodological synthesis. The search of the methodology focused on studying events of the remote past and mechanisms of their traumatization in modern historical memory becomes a single question. There is an accent shift from the event to the representation in media space, and the trauma becomes the instrument of political and economic influence.

Keywords: trauma, historical memory, traumatisatation, practice, research methodology.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиа-репрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

XX век стал временем резкого методологического обновления гуманитарной науки, что проявилось не только в появлении новых направлений исследования, но и в изменении самой дисциплинарной структуры знания. Новые феномены, попавшие в фокус исследовательского внимания, стали центрами объединения ученых, изначально принадлежавших к самым различным дисциплинам, что привело к необходимости выработки новых методологических принципов. Выше сказанное в полной мере относится к такому направлению как «trauma studies». Само понятие травмы, позаимствованное из медицины, достаточно быстро нашло применение в психологии, а уже оттуда переключалось и в остальные науки гуманитарного цикла, став важным элементом исторических, антропологических и даже политологических дискурсов. В этом смысле российская традиция изучения травм представляет собой отражение общемировой тенденции, поскольку можно констатировать определенное разнообразие исследовательских подходов и трактовок основного понятия, а также стремление, в той или иной степени, свести процесс травматизации либо к его психологическому, либо к социологическому аспекту.

Сразу следует оговориться, что понятие коллективной травмы несет на себе определенную двусмысленность, которая была продемонстрирована Д. Оликом на примере коллективной памяти [6]. Американский исследователь выявил существенные различия между двумя пониманиями «коллективности», выразив это в противопоставлении «collective» и «collected». В первом случае имеется в виду совпадение индивидуальных траекторий воспоминания, обусловленное сходством биографического бэкграунда, а во втором – результат определенной социализации, заключающейся в формировании одинакового

символического ландшафта, совокупности «мест памяти», значимых для данного сообщества. Наличие двух трактовок, при недостаточной проясненности того, какая именно имеется в виду в рамках конкретного исследования мнемонических феноменов, зачастую приводит к путанице и расплывчатости тесной взаимосвязи анализируемых феноменов.

Вместе с тем существенное различие между указанными моделями коллективной памяти не означает их тесной взаимосвязи, поскольку только обобщенная совокупность индивидуальных памятей в конечном итоге подвергается символической обработке, становясь основой коллективной идентичности. Поэтому и понятие коллективной травмы, нуждающееся в уточнении конкретного значения данного термина, демонстрирует значимый в методологическом смысле переход от анализа травмы как локального события к его помещению в более широкий контекст – процессов индивидуального переосмысления личного травматического опыта, либо коллективных усилий по формированию или преодолению трагических событий общего прошлого.

Психологическая трактовка травмы, восходящая к З. Фрейду и наиболее четко сформулированная К. Карут, акцентирует внимание на общих механизмах переживания травматического прошлого [2, с. 562]. Эта трактовка была выработана в 70-ые годы прошлого века в США в качестве реакции на так называемый «вьетнамский синдром» и получила впоследствии распространение в психологии и психотерапии. Основой изучения психологических травм является теория З. Фрейда, а существенным достижением данной традиции – установление специфики травмы как заикленности сознания на определенных событиях индивидуального прошлого. По сути, травма оказывается противоположна по сути своей принципу историзма, поскольку препятствует перемещению какого-либо факта из настоящего в прошлое, травмированный субъект находится в «вечном настоящем», постоянном переживании того события, которое существует лишь в его сознании. К. Карут сделала особый упор не просто на диагностировании и разработке понятия «травма», но и на поиске стратегий детравматизации.

Социологическая трактовка травмы, разработанная Дж. Александером в 80-ые годы прошлого века и продуктивно разработанная впоследствии Р. Айерманом, смещает фокус рассмотрения с самого травмирующего события на те условия, которые делают возможным формирование травмы, а также на закономерность возникновения коллективных травм. Дж. Александер обращает внимание на тот факт, что травматичным становится событие, которое обладает конституирующим значением для какого-либо сообщества, которое угрожает коллективной идентичности и именно в силу этого воспринимается в качестве травмы [1, с. 255-256]. Сообщество объединяется вокруг травмы, поэтому психологический эффект в данном случае является лишь следствием социальных действий.

Примером для рассмотрения травмы в качестве социологической, а не психологической категории становится Холокост, восприятие которого демонстрирует, с точки зрения Д. Александера, работу символических кодов, делающих возможным консолидацию целого ряда сообществ – не только евреев, но и поствоенной демократической Европы. Д.Ю. Куракин справедливо отмечает, что смена прогрессивного нарратива трагическим в случае Холокоста способствует абсолютизации события, отказу от поиска исторических аналогий и, тем самым, размыканию историзма, но уже не в психологическом, а в социальном измерении [3, с. 18-19]. Коллективная травма и заключается в том, что представители сообщества в коммеморативных практиках постоянно возвращаются к травмирующему событию, заново переживая его и передавая опыт такого переживания последующим поколениям в качестве мощного фактора консолидации. В этом смысле прогрессивный дискурс, свойственный советскому восприятию Великой Отечественной войны, в постсоветском обществе постепенно смешивается с дискурсом трагическим, создавая новые формы переплетения линейного и циклического восприятия исторического времени.

Понятно, что за время, прошедшее со времени концептуализации данных направлений, четкость методологических различий между ними успела

сгладиться, поэтому большинство современных отечественных исследователей вырабатывают компромиссные варианты анализ травм, учитывающие как психологические, так и социологические аспекты их функционирования.

Большое значение для изучения коллективных травм, а в еще большей степени – для постановки новых вопросов применительно к российской проблематике исследований имел сборник «Травма: пункты», вышедший под редакцией Сергея Ушакина и Елены Трубиной [7]. В заглавной статье С. Ушакин акцентировал внимание на двух ключевых проблемах, которые логически вырастают из, соответственно, психологической и социологической трактовки травмы [8, с. 7-9]. Первая из них связана с возможностью репрезентации травмы в языке. Причем, в данном случае под языком стоит понимать не только вербализацию травматического события, но и многообразие перформативных практик, способствующих его проработке и актуализации. Логичным поводом для обращения к подобной проблематике является память о репрессиях, которая долгое время была вынуждена существовать в латентном состоянии. Не имея возможности быть проговоренной, но нуждающейся в запечатлении, но еще более показательной становится иллюстрация процесса травматизации/детравматизации на примере постсоветской России. В ее символическом пространстве, по мнению С. Ушакина, значительное место заняли отсылки к советскому прошлому, причем подобные ретроверсии оказываются попыткой реставрации советского символического порядка, знаменуя заикленность общественного сознания на определенных форматах символического порядка.

Вторая проблема является, в большей степени, социологической, поскольку ставит вопрос о специфике сообществ, консолидирующихся вокруг памяти о коллективной травме. Если для Александра травматизация выступала в качестве стратегии символической идентификации любого сообщества, то дальнейшая разработка данного понятия заставляет задуматься о специфике подобных сообществах, а также динамике их функционирования. Например, существенным становится вопрос о поколенческой динамике, в результате

которой естественным образом происходит смена участников травматического события сначала очевидцами, а затем и последующими поколениями, которые имеют дело лишь с сакрализованным образом травмы.

В одной из своих последних на данный момент книг А. Эткинд напрямую обращается к проблематике травмы, акцентируя внимание на различных механизмах обращения к травматическому прошлому. В качестве таких механизмов им рассматриваются «травма» и «горе», причем данным категориям придается даже не столько психологическое, сколько культурное значение. Роднит оба механизма периодическое обращение к прошлому, которое приводит к невозможности адекватного восприятия настоящего без подобных отсылок, но гораздо существеннее оказываются различия. «Травма является ответом на состояние, в котором оказалось Я; горе является ответом на состояние Другого» [9, с. 27]. Если травма предполагает невозможность репрезентации, поскольку человек не в состоянии отличить собственное состояние от изменившегося биографического и культурного контекста, то ощущение горя как раз строится на историчности времени, непреодолимом разрыве между прошлым и настоящим, который не только осознается, но и нуждается в подходящей репрезентации. При этом горе нуждается в создании определенных ритуалов, которые позволяют примириться с произошедшим разрывом, выстроить не только временную, но и символическую дистанцию, позволяющую сообществу существовать дальше, сохраняя и воспроизводя коллективную память в качестве источника совместной скорби, а не фрустрированных эмоций.

Но потребность в подобной репрезентации определяет особую роль культурных посредников, разрабатывающих и транслирующих травматические дискурсы. Медиа играют двойственную роль в процессах травматизации, поскольку они не только переводят коллективное бессознательное в вербальную или визуальную формы, осуществляя, тем самым, терапевтический эффект, но и могут выступать катализатором ре-травматизации. Важный анализ процессов медиализации травмы принадлежит О. Мороз. В одной из своих

работ она рассматривает медиа в качестве источника конструирования травм, поскольку сами носители травматического опыта не в состоянии осуществить его рефлексивность. Возможность осмысления и помещения трагического события в определенный культурный контекст, придания ему статуса «травматического» существует только для стороннего наблюдателя, обладающего некоторой дистанцированностью от самого события, но при этом ощущающего косвенную причастность к нему [4, с. 54-56].

Насущной для «trauma studies» остается проблема методологической проработанности базовых категорий, а также их вписывания в контекст уже существующих традиций исследования, прежде всего, иноязычных. В этом смысле существенный вклад в методологическое обновление подходов внесла монография Ф.В. Николаи «Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры» [5, с. 15-16]. Автор не только анализирует малоизвестную в России американскую традицию исследования коллективных травм, но и приходит к совершенно справедливому выводу о том, что сочетание травматических и мемориальных исследований делает возможной постановку принципиально важных вопросов о способах обращения к прошлому и методах присвоения прошлого в социальных и политических дискурсах, особенно в тех случаях, когда объектом травматизации перестает быть исключительно индивидуальный опыт.

Список литературы:

1. Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. 639 с.
2. Карут К. Травма, время и история // Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: НЛЮ, 2009. С. 561-581.
3. Куракин Д.Ю. Социологическая грамматика культурных смыслов // Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Праксис, 2013. С. 7-35.

4. Мороз О., Суверина Е. Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 54-70.
5. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М.: Флинта, 2017. 184 с.
6. Олик Д.К. Коллективная память: две культуры // Историческая экспертиза [сайт]. 2014. URL: <https://goo.gl/AHjQ6R> (дата обращения: 20.11.2018).
7. Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: НЛО, 2009. 936 с.
8. Ушакин С. «Нам этой болью дышать?». О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: НЛО, 2009. С. 5-41.
9. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. М.: НЛО, 2016. 328 с.

Сведения об авторе:

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Липецк, Россия).

Data about the author:

Anikin Daniil Alexandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Lipetsk Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russia).

E-mail: dandee@list.ru.